

***De Silva D. A. Seeing Things John's Way. The Rhetoric of the Book of Revelation.*
Louisville: Westminster John Knox Press, 2009. XIV, 393 p.**

В последние десятилетия широкое распространение, прежде всего, в англоязычной науке, получило применение к исследованию новозаветных книг методов риторического анализа (англ. — rhetorical criticism). Использование этих методов в библейской науке представляется вполне оправданным, так как речь идет об изучении пастырских по характеру и направленности книг, первостепенной задачей которых является увещание и убеждение, и, соответственно, постановка вопроса о том, каким образом это убеждение осуществляется и достигается, является закономерной. К Откровению Иоанна Богослова (далее Откр) сказанное относится едва ли не в большей мере, чем к любой другой новозаветной книге. Во-первых, Апокалипсис предполагает восприятие его на слух первоначальной аудиторией (ср. Откр 1. 3), — данный тезис является общепризнанным в современной науке — и, таким образом, налицо оказывается соответствующая риторическому жанру обстановка. Во-вторых, сам характер Апокалипсиса, дающий основание называть его и манифестом, и памфлетом, и воззванием, и кличем, его бьющая через край эмоциональность, его желание и способность «глаголом жечь сердца людей» привлекают нарочитое внимание к методам его воздействия на аудиторию, то есть побуждают к его риторическому анализу. Такому анализу Откр как раз и посвящена рецензируемая книга профессора Эшлендской богословской семинарии (Ashland Theological Seminary; США, штат Огайо) Дэвида де Силвы, который проторил путь к ее написанию и изданию рядом публикаций в ведущих мировых богословских журналах.

Данный труд состоит из двенадцати глав, за которыми следуют библиографический список и указатели древних текстов, современных авторов и рассматриваемых в книге тем. Первая глава представляет собой обзор интерпретационных методов, применявшихся к Апокалипсису. Автор высказывается здесь в пользу «современно-исторического» метода (contemporary-historical method), который исходит из современных Тайнозрителю и его первым читателям исторических, религиозных, социальных и бытовых реалий и трактует Откр как отклик на конкретную ситуацию первых читателей. При этом значение Апокалипсиса для последующих поколений читателей не отрицается, но подчеркивается, что залог его правильного применения к их ситуациям и проблемам заключается в правильном понимании его первоначального контекста. Именно в рамках «современно-исторического» метода де Силва предполагает использовать риторический анализ, основные термины которого и излагаются во второй половине первой главы. Автор оговаривается, что речь, конечно же, не может идти о классической риторической подготовке Иоанна, и было бы неправильным втискивать Откр в строгие рамки античной теории риторики. Скорее можно говорить о практическом использовании тех методов убеждения, которые были характерны для эпохи Тайнозрителя и его читателей и освоение которых происходило «индуктивно», через «слушание выступающих перед публикой ораторов, странствующих философов или даже проповедников в синагогах» (с. 17). Но применение

этих методов, даже если их изучение происходило не по Аристотелю, Цицерону или Квинтилиану, может описываться с применением терминов классической риторики, если употреблять их обдуманно.

Вторая глава посвящена определению «риторического контекста» (rhetorical setting) Откр, то есть выяснению того, в каких обстоятельствах существовали малоазийские Церкви, которым Апокалипсис адресован, какие перед ними стояли проблемы и задачи. Третья глава, являющаяся органическим продолжением второй, посвящена выявлению того, в чем именно Тайнозритель видел решение данных проблем, что именно он хотел внушить своим читателям. В этой главе де Силва рассматривает проявляющиеся в Откр черты трех основных типов античных риторических произведений — совещательного (deliberative), судебного (forensic) и показательного (epideictic), — справедливо заключая, что преобладающее положение в нем занимают элементы первого и третьего типов. В целом же взгляды, высказанные автором во второй и третьей главах, вполне соответствуют современному научному мейнстриму. В качестве основных внешних факторов, определяющих повседневную жизнь христиан Малой Азии, де Силва указывает на императорский культ, традиционную языческую бытовую религиозность, притеснения со стороны представителей власти и окружающего языческого общества, а также противостояние с иудаизмом. Основной опасностью для христиан в этих условиях является компромисс с окружающим языческим миром, основанный, во-первых, на страхе гонений, а во-вторых, на увлечении имперской идеологией величия и теми временными благами, которые сулит ассимиляция с окружающим обществом. Компромисс этот, помимо собственно притеснения идеологии всеобщего благоденствия под римским владычеством, может проявляться в допущении участия в некоторых религиозно окрашенных мероприятиях окружающего языческого общества. Сторонниками этого компромисса, согласно взгляду де Силвы и значительного числа современных исследователей Апокалипсиса, должны считаться упоминаемые в Откр николаиты и «жена Иезавель» (Откр 2. 6, 15, 20). Тайнозритель же, со своей стороны, компромиссы считает недопустимыми, а ответ на вызовы окружающего мира видит в безусловной верности Христу, соблюдении первой заповеди декалога и готовности к страданиям вплоть до мученичества.

Четвертая глава труда де Силвы продолжает и конкретизирует третью — в ней уточняется, кто есть кто в системе координат Иоанна, какие силы мира какое место занимают в представленном Тайнозрителем библейском его видении.

Начиная с пятой главы, структура рецензируемой книги определяется тремя традиционно выделяемыми в риторике модусами убеждения (этос, пафос, логос). В пятой и шестой главах Апокалипсис рассматривается с точки зрения этоса, понимаемого как те достоинство и авторитет автора в глазах читателей / слушателей, которые побуждают их доверять ему. Пятая глава непосредственно посвящена рассмотрению вопроса об авторитете Тайнозрителя, о том, на каком основании его аудитория должна была прислушаться именно к его слову, при том, что в тех общинах, которым адресован Апокалипсис, действовали и чуждые Иоанну учителя (уже названные николаиты и Иезавель, ср. также «лжеапостолов» в Откр 2. 2). В этой главе де Силва ведет убедительную, на взгляд рецензента, полемику с представителями современного риторического анализа Откр, которые видят в Апокалип-

сисе авторитарное произведение, основной задачей которого является любимыми средствами подорвать в глазах читателей / слушателей авторитет противных Иоанну деятелей и утвердить его собственный. В шестой главе предметом рассмотрения является использование в Апокалипсисе Ветхого Завета. Интересным в этой главе, в первую очередь, оказывается опять-таки спор де Силвы со своими современными оппонентами, считающими, что характерное для Откр использование ветхозаветного материала в виде аллюзий без точного воспроизведения исходного текста и прямых ссылок должно квалифицироваться как «похищение авторитета» (*stealing authority*), как стремление вытеснить Ветхий Завет из употребления, а его авторитет «анонимно» поставить на службу своим собственным интересам. В противовес этому взгляду де Силва утверждает, что речь, напротив, должна идти о всестороннем вовлечении Ветхого Завета в орбиту восприятия читателей / слушателей и о свидетельстве о его священно-исторической релевантности.

В следующих двух главах книги в центре внимания автора оказывается «пафос», то есть сфера чувств, вызываемых Тайнозрителем у своих читателей / слушателей. В этих главах рассматривается вопрос о том, какие эмоции и каким образом Иоанн вызывает у адресатов своей книги. В седьмой главе этот вопрос рассматривается на материале посланий семи Церквам Откр 2–3, а в восьмой на материале видений Откр 4–22.

Далее в своей книге де Силва анализирует Апокалипсис с точки зрения «логоса», то есть убеждения, основанного на аргументах. В девятой главе он рассматривает аргументацию, которая может квалифицироваться как рациональная, в посланиях семи Церквам, а в десятой — в отрывке Откр 14. 6–13, в котором он видит присутствие ряда важных литературно-богословских мотивов, связывающих этот фрагмент с другими разделами Апокалипсиса. Наконец, в одиннадцатой главе автор анализирует рациональную аргументацию, разворачиваемую Тайнозрителем в рамках более крупных разделов Апокалипсиса и осуществляемую через нарративное развитие.

Итоговая, двенадцатая глава книги представляет собой попытку применить Апокалипсис к современным реалиям. Здесь де Силва вновь ведет полемику с авторами, обвиняющими Тайнозрителя в авторитаризме, женоненавистничестве, высказывает свои соображения относительно того, насколько в наши дни уместно пользоваться образами Апокалипсиса и в чем именно должно заключаться сегодня христианское свидетельство. Большую роль в этой главе играет критика «империализма» и «систем доминирования» (*domination systems*).

Как уже отмечалось, применение к Апокалипсису риторического анализа представляется в принципе обоснованным. Однако представленный в рецензируемом труде конкретный образец этого подхода, к сожалению, не может быть назван в полной мере демонстрирующим его достоинства, несмотря на то, что де Силва показывает себя весьма эрудированным и чутким к современной значимости Апокалипсиса автором.

Первые шесть глав книги читаются довольно живо и представляются пусть и не слишком оригинальными, но в целом убедительными. Однако из этих шести глав лишь последние две могут быть отнесены к той части книги, которая представляется основной и которая привязана к триаде этос-пафос-логос, первые же

четыре главы в общем замысле книги играют лишь очевидную вводную роль. Что же касается глав с седьмой по одиннадцатую, то они сводятся по большей части всего лишь к довольно скучному «просмотру» отдельных мест Апокалипсиса и установлению самого факта использования тех или иных описанных в античных трудах по риторике методов воздействия на аудиторию. Несколько утрируя, можно сказать, что перед нами здесь оказывается простая каталогизация материала. Здесь нельзя не заметить некоторого противоречия с отмеченными выше авторскими оговорками в первой главе. Утомляет настойчивое и непропорциональное внимание автора к тому, *как* достигается воздействие на аудиторию, в ущерб тому, *что* именно высказывается. Никакого нового знания об Апокалипсисе здесь не предложено. Риторический анализ ведется в полном отрыве от экзегезы, в тексте книги отсутствует сквозной экзегетический разбор хотя бы одного отрывка Апокалипсиса, включая даже Откр 14. 6–13, которому посвящена отдельная глава книги. Материал Апокалипсиса оказывается просто разодранным на куски, которые автор раскладывает по заготовленным им «полочкам». И пусть даже эти полочки правильные, Апокалипсис как связанное единой литературной и содержательной логикой целое в наиболее значимых главах рецензируемой книги просто не представлен. Одиннадцатая глава, посвященная «нарративному развитию» и «литературной логике», как будто бы призвана восполнить данный пробел, однако на деле носит слишком общий характер, чтобы справиться с этой задачей.

Двенадцатая глава оказывается значительно более интересной, нежели предшествующие пять, но к риторическому анализу она может быть отнесена лишь со значительными оговорками. На взгляд рецензента, тот вариант риторического анализа Откр, который представлен в главах с седьмой по одиннадцатую книги де Силвы, бесперспективен. Материал глав 7–11, а, возможно, и 5–6, уместнее было бы оформить в виде хрестоматии. Вообще же представляется, что риторический разбор текста желательно осуществлять либо после, либо в ходе его экзегетического разбора, но ни в коем случае не в отрыве от него. Или же следует ограничить предмет рассмотрения какой-то конкретной богословской темой, как это сделано в книгах Л. Джонса или П. Даффа¹, в которых риторическому анализу подвергаются, соответственно, использование образа Агнца в Апокалипсисе и отражение в нем противостояний между различными представителями пророческого служения. Так или иначе, в фокусе внимания необходимо удерживать богословие библейской книги или ее отрывков, которое риторический анализ не должен вытеснять на периферию. В случае труда де Силвы, конечно же, нельзя говорить о сознательном пренебрежении к богословию. В ряде мест своей книги он показывает себя богословски заинтересованным и христиански ангажированным автором, однако предложенное им «видение вещей по-иоанновски» отражает содержательное богатство Апокалипсиса, как представляется, отнюдь не в полной мере.

А. С. Небольсин
(ПСТГУ)

¹ *Johns L. L.* The Lamb Christology of the Apocalypse of John. An Investigation into It's Origins and Rhetorical Force. Tübingen, 2003; *Duff P. B.* Who Rides the Beast? Prophetic Rivalry and the Rhetoric of Crisis in the Churches of the Apocalypse. Oxford, 2001.